

О.А. Сухова*

O.A. Sukhova*

**Советская деревня
во второй половине 1940-х –
начале 1950-х годов:
мобилизационный менеджмент
и практики социальной интеракции****

**Soviet Village
in the Second Half of the 1940s –
Early 1950s:
Mobilization Management
and Social Interaction Practices****

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-7

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-7

УДК 9(47)084.5

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Сухова О.А. Советская деревня во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: мобилизационный менеджмент и практики социальной интеракции // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 78–87. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-07.pdf>

Sukhova O.A. Soviet Village in the Second Half of the 1940s – Early 1950s: Mobilization Management and Social Interaction Practices // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 78–87. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-07.pdf>

Abstract. The relevance of the problem under consideration is determined by the need to develop a concept of studying the history of the collective farm peasantry of the USSR after the war when the new challenges of the time were faced. The aim of the study is a systematic analysis of the mechanisms and practices of socio-political interaction in the Soviet village in the context of implementation of mobilization model of agrarian development. The methodological bases were theoretical innovations of the system and synergetic approaches, sociology and the history of everyday life. Based on a broad source base, the author reconstructs the main channels of social interaction, communication in the system of interaction between government and society, decision-making bodies and the collective farm peasantry, identifies trends and specifics of assimilation, interpretation and adaptation to the incentives from administrative bodies. The levels of translation of managerial decisions were recorded: region – district authorities – rural administration – population of the Soviet village. As a determining factor in the post-war agrarian development of the USSR, the article considers the contradiction between the strengthening of the investment basis of the mobilization model, the tasks of optimizing resources for economic recovery and the sharp impoverishment of the collective farm village during the Great Patriotic War. The situation at that time brought to life a complex model of crisis management: the declaration of restoration of principles of social justice and the “standards” of the Stalinist neonep, guarantees of compliance with the collective farm legislation, caring for the needs of the village. At the same time, the range of application of non-economic coercion and administrative incentives and control in general was preserved and even strengthened. The result of deformation of the balanced model of socio-political interaction was the replication of similar practices of social adaptation. A sharp increase in appeals and complaints, labor absenteeism, excessive land use norms, natural redistribution of collective farm products, fictitious accrual of workdays, division of yards, theft of state and collective farm property are considered the responses of the collective farm village.

Keywords: The peasantry; the collective farm system; the transformation of the mobilization model; the practice of everyday economic life.

* Сухова Ольга Александровна, доктор исторических наук, профессор, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, e-mail: suhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Penza State University, Penza, Russia, e-mail: suhov747@yandex.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00125) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-е – начале 1950-х гг.».

The work was carried out with the financial support of the RFBR (project No. 18-09-00125) “Economics and Practice of social Interaction in the Soviet Village in the Context of the Mobilization Economy of the USSR in the 1930s – Early 1950s”.

The article has been received by the editor on 10.03.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Актуальность рассматриваемой проблемы определяется необходимостью разработки концепции изучения истории колхозного крестьянства СССР в условиях окончания войны и столкновения с новыми вызовами современности. Цель исследования – системный анализ механизмов и практик социально-политического взаимодействия в советской деревне в контексте реализации мобилизационной модели аграрного развития. Методологическими основами выступили теоретические новации системного и синергетического подходов, социологии и истории повседневности. Опираясь на широкую источниковую базу, автор осуществляет реконструкцию основных каналов социальной интеракции, коммуникаций в системе взаимодействия власти и общества, директивных органов и колхозного крестьянства, выявляет тренды и специфику усвоения, интерпретации и адаптации к стимулам административного порядка. Зафиксированы уровни трансляции управленческих решений: регион – районные власти – сельская администрация – население советской деревни. В качестве определяющего фактора послевоенного аграрного развития СССР в статье рассматривается противоречие между укреплением инвестиционного начала мобилизационной модели, задачами оптимизации ресурсов для восстановления экономики и резким оскудением колхозной деревни в годы Великой Отечественной войны. Сложившаяся ситуация вызвала к жизни сложную модель кризисного менеджмента: декларация восстановления принципов социальной справедливости и «эталонов» сталинского неонэпа, гарантий соблюдения колхозного законодательства, проявления заботы о нуждах деревни. Одновременно сохраняется и даже усиливается спектр применения внеэкономического принуждения и административного стимулирования и контроля в целом. Результатом деформации сбалансированной модели социально-политического взаимодействия становится тиражирование аналогичных практик социальной адаптации. В числе ответных реакций колхозной деревни помимо резкого роста обращений и жалоб рассматривается трудовой абсентеизм, превышение норм землепользования, натуральное перераспределение продуктов колхозного производства, фиктивное начисление трудодней, разделение дворов, хищение государственного и колхозного имущества и пр.

Ключевые слова: крестьянство; колхозная система; трансформация мобилизационной модели; практики хозяйственной повседневности.

Одним из актуальнейших вопросов современности является осмысление способов и механизмов выхода общества как сложной системы из состояния социокультурного кризиса. В середине 1940-х гг., несмотря на победоносный исход войны и рождение сверхдержавы, Советский Союз столкнулся с рядом острейших вызовов для экономической и социально-политической стабильности под воздействием разрушительных последствий военного конфликта, с одной стороны, и незавершенности модернизационных процессов, с другой. Наиболее драматичная ситуация сложилась в советской деревне, где проживало свыше половины населения СССР.

Сегодня в отечественной историографии присутствуют все условия для разработки общей аналитической модели истории советского крестьянства в послевоенный период. Трудями двух поколений исследователей сформирована предметная область проблемы, накоплен колоссальный эмпирический материал, началось изучение региональной специфики¹. В этом

¹ История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочнения и развития социалистического общества 1945 – конец 1950-х гг.; Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124; Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996; Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60; Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М., 2010; Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства

контексте весьма продуктивным началом может выступить концепция изучения советской деревни в системе социальной интеракции, как активного равновесного элемента социально-политического взаимодействия в условиях трансформации мобилизационной экономики.

Как известно, официальный канон перехода от войны и чрезвычайных методов управления к миру и тренду на восстановление предполагал не просто достижение довоенного уровня производства, но и перспективы развития индустриальной и процветающей деревни. Все наличные проблемы были отнесены к трудностям военного времени, добиться же решения тактических задач в деле увеличения посевных площадей, урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства предстояло путем механизации и электрификации колхозного производства². Вместе с тем, среди реальных факторов экономического прорыва сложно отыскать что-либо помимо морального и политического укрепления колхозов³.

Действительно, на 1 января 1946 г. численность трудоспособных колхозников сократилась до 67,5 % от уровня 1940 г., посевная площадь в 1946 г. составила 71 %, на 23,5 % снизилось общее количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения или 152,4 млн ц в целом в 1940 г. до 0,74 ц или 48,7 млн ц в 1945 г. (чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили по 0,4 ц на душу населения или 110 г в день)⁴.

По подсчетам Л.Н. Ульянова, в 1945 г. валовая продукция сельского хозяйства составила 60 % от уровня 1940 г., в том числе производство зерна уменьшилось более чем в 2 раза, мяса – в 1,8 раза, молока – почти в 1,3 раза⁵. В годы войны колхозы почти полностью лишились автомобильного транспорта. К 1946 г. в распоряжении сельхозартелей насчитывалось всего 5,2 тыс. грузовых автомашин (в 1941 г. – 106,7 тыс.). поголовье лошадей к середине 1945 г. сократилось до 44 % от довоенного уровня. В освобожденных областях десятки колхозов вообще остались без лошадей. Как отмечает И.М. Волков, к концу 1945 г. в Брянской области действовал 71 безлошадный колхоз, в Новгородской – 120, Смоленской – 28, Калужской – 23⁶.

Столь существенный упадок общественного хозяйства колхозной деревни вызвал к жизни определенную трансформацию мобилизационной модели. Условиями ее стабилизации (укрепления) и возрождения инвестиционной направленности становятся очищение системы до «эталонов» сталинского неонэпа и восстановление гарантий соблюдения колхозного законодательства, проявление демонстративной заботы о нуждах деревни и борьба с практически тотальным беспорядком советского крестьянства. Обратной стороной медали выступало ужесточение административного начала. Такая глубоко противоречивая конструкция была рассчитана на действие механизмов компенсационного порядка, чем и обеспечивалось ее равновесие в условиях сохранения кризисного вектора развития.

В этом отношении показателен анализ партийных директив второй половины 1940-х гг. Преамбулы документов построены на фиксации вопиющих нарушений советского законодательства, что, казалось бы, должно было поставить под сомнение существование всей колхозной системы: с одной стороны, тексты воспроизводят чудовищно деформированную систему управления материальными и людскими ресурсами колхозов, а с другой – столь же уродливые практики социальной адаптации.

Частота и интенсивность обращений партийного руководства к проблемам сельского хозяйства в рассматриваемый период косвенно свидетельствуют о наличии системного сбоя

периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М., 2018; Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: 1940 – март 1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004; и др.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 8. С. 12.

³ История советского крестьянства... С. 25, 38.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 542. Л. 4–5.

⁵ Ульянов Л.Н. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 27.

⁶ История советского крестьянства... С. 30.

и проявлений кризиса управленческой модели. Это, в частности, относится к Постановлению Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» от 19 сентября 1946 г., продублированному в решениях февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б)⁷.

В традициях политического руководства наиболее одиозные управленческие практики были отнесены к разряду «извращений» политики партии и правительства и осуждены как противоклхозные и противогосударственные. Среди выявленных нарушений Устава встречаем неправильное расходование трудодней вследствие расширения штатов административного и управленческого персонала, «растаскивание» колхозной собственности, злоупотребления со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушение принципа выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников. Постановлением отменялось решение 1942 г., разрешавшее временно производить посевы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних. Все «захваченные» земли предстояло вернуть в распоряжение сельскохозяйственных артелей. Складывалась парадоксальная ситуация: работники партийных и советских органов, действовавшие ранее в правовом поле, теперь были огульно причислены к врагам колхозного строя и нарушителям закона.

Подобная парадоксальность принимаемых решений является свидетельством запоздалой административной реакцией на очередной голод, охвативший хлебопроизводящие районы СССР и вновь отбросивший колхозную деревню на грань выживания. Показательна также приверженность советской политической системы традиционным инструментам, уже неоднократно проверенным и отвергнутым либо из-за низкой степени своей эффективности, либо по причине временного и чрезвычайного характера. Так, исключительно для реализации Постановления Совета Министров и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. при правительстве СССР было создано специальное ведомство – Совет по делам колхозов во главе с А.А. Андреевым. Функционал Совета был ограничен ликвидацией нарушений Устава сельскохозяйственной артели, а следовательно, заведомо локализован во времени. В то же время на региональных представителей Совета, получивших правовой статус «контролеров от центра, не зависящих от местных властей», возлагались ни много ни мало обязанности «разрешения вопросов колхозного строительства»⁸.

В канонах привычной риторики советского руководства призывы проникнуться «всею полнотой ответственности за состояние и развитие колхозов» были подкреплены административным основанием – введением в МТС должности заместителя директора по политической части⁹. Впрочем, логика бюрократических рокировок может иметь логическое объяснение: произвольная деформация управленческих структур, поиск и наказание врагов народа, ответственных за извращения партийной линии, служили механизмом перераспределения ответственности и обеспечивали сохранение и воспроизводство мобилизационной модели без каких-либо существенных изменений.

На этом фоне решение пленума о сохранении на послевоенное время повышенного в 1942 г. обязательного минимума выработки трудодней трудоспособными колхозниками уже не выглядело избыточным и чрезвычайным¹⁰. В дальнейшем в соответствии с этим решением пленума ЦК ВКП(б) были приняты постановления Совета Министров СССР о продлении действия повышенного обязательного минимума трудодней на 1949 и 1950 гг.¹¹

Региональная пресса широко информировала население о функционале и месте пребывания представителя, что спровоцировало очередную волну обращений во власть. Жалобы на нарушения Устава и неустроенность крестьянской жизни, проекты реформирования колхозов в массовом порядке стали поступать и в адрес региональных представителей, и на

⁷ КПСС в резолюциях... С. 55–61; 98–145.

⁸ Там же. С. 61, 75.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2.

имя председателя Совета по делам колхозов СССР А.А. Андреева. Пик «жалобной кампании» пришелся на 1947 г., в дальнейшем количество обращений сокращается¹².

Спектр обращений далеко не исчерпывается жалобами на нарушение Устава: здесь доля официально допустимой критики не превышала 30 %. Важно также отметить и значительную результативность социальной интеракции. По сведениям, поступившим в Совет в ходе проверки жалоб, за 1947–1950 гг. было привлечено к ответственности 9 635 чел. (осуждено 1 070 чел.), возвращено колхозам земли – 64 282 га, лошадей – 748, коров и другого скота – 3 497 голов и т.д.¹³

Анализировал обращения колхозников специальный отдел Совета по проверке соблюдения Устава сельскохозяйственной артели. Первичная обработка корреспонденции заключалась в систематизации и группировке вопросов по содержательной компоненте. Так, в сводке отдела по письмам, поступившим с 15 января по 15 февраля 1947 г., были выделены следующие позиции: организация и оплата труда; землепользование; приусадебный участок; общественная собственность колхоза; скот личного пользования; денежные расчеты; административно-управленческий персонал; внутриколхозная демократия¹⁴.

С учетом условий произвольной выборки вопросов в подобных сводках мы сможем обнаружить не только описание частных случаев управленческих решений, но и фиксацию практик системного характера, отражавших базовые противоречия мобилизационной стратегии. В частности, колхозник Г.В. Кошелев из с. Елховка Тоцкого района Чкаловской области в своем письме от 4 февраля 1947 г. высказался за введение гарантированной натуральной оплаты в колхозах, обратившись в Совет с вопросом о том, на каком уровне – местном или союзном можно принять такое решение¹⁵. Озабоченность колхозников вызывали и ограничения в свободе передвижения: «Могут ли меня и мою семью задержать в колхозе, если мы уходим в отходничество?»¹⁶. В сфере крестьянских предпочтений присутствовало и право на отдых: «Можно ли практиковать предоставление отпусков в колхозе с сохранением трудодня?»¹⁷

В числе факторов административной встряски колхозной системы следует отметить глухое, пассивное, но от этого не менее действенное сопротивление со стороны сельского социума. Предложенные инструменты были необходимым условием для сохранения и укрепления мобилизационной модели. В условиях перехода от войны к миру антитезой чрезвычайным методам принуждения и интенсификации труда в крестьянском сознании становится идея «ропуска колхозов»¹⁸. Как и прежде, инструментом освобождения в крестьянском сознании выступали внешние акторы, в частности, апелляция к решению конференции в Сан-Франциско¹⁹.

Главенствующую роль в числе практик обыденного сопротивления сохранял трудовой абсентеизм (в официальной трактовке – «неудовлетворительное использование труда колхозников и слабая трудовая дисциплина во многих колхозах»²⁰). Более того, в условиях окончания войны и ожидания роспуска колхозов трудовая активность сельского населения существенно снижается²¹. В 1948 г. в целом из 54 областей, краев и республик в 29 субъектах число и процент не выполнивших минимума колхозников уменьшился, а в 24 областях, республиках и краях произошло увеличение числа не выработавших обязательный минимум трудодней: в

¹² Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства... С. 148, 174, 177.

¹³ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993. С. 65.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 669. Л. 113–126.

¹⁵ Там же. Л. 113.

¹⁶ Там же. Л. 124.

¹⁷ Там же. Л. 125.

¹⁸ Загороднев Д.В. Повседневная жизнь российской деревни в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (по материалам Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 401.

¹⁹ Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства... С. 146–147.

²⁰ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 721. Л. 9.

²¹ Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства ... С. 148–149.

областях Поволжья, Урала, в ряде областей Сибири и др. Наиболее значительно выросли показатели в Саратовской (с 12,5 до 18,5 %) и Куйбышевской (с 15,5 до 20,6 %) областях, а также в Чувашской АССР (с 16,4 до 21,2 %) ²². В 1949 г. в группе регионов, где процент лиц, не выполнявших минимума трудодней, составлял от 20 до 30 %, насчитывалось 11 областей и республик СССР ²³. К началу 1950-х гг. происходит некоторое снижение злополучного показателя. Однако окончательно решить эту проблему не удалось ²⁴.

В официальных документах неэффективность мер внеэкономического принуждения объяснялась низким уровнем применяемости уголовного наказания. Так, по данным Министерства юстиции СССР, в 1946 г. за невыполнение минимума было осуждено 190,7 тыс. из 4,3 млн чел., не выработавших минимума, в 1947 г. – 137 тыс. из 3,8 млн чел., в 1948 г. – 117,5 тыс. из 3,4 млн чел., за 9 месяцев 1949 г. – 109 тыс. колхозников из 3,3 млн чел. При этом из общего количества осужденных до 78–85 % составляли женщины, а основной причиной их низкой трудовой дисциплины являлось отсутствие яслей ²⁵. Занятость в домашнем хозяйстве определяла и более низкую среднюю выработку трудодней женщинами-колхозницами. В 1949 г. в среднем по СССР этот показатель составлял 197 трудодней, по 8 областям и республикам он оставался ниже отметки в 150 трудодней. Например, в Пензенской области средняя выработка трудодней женщинами-колхозницами достигала 149 трудодней, самой низкой в стране была трудовая активность женщин-колхозниц в Литовской ССР – 111 трудодней ²⁶.

Практика уклонения от трудовых обязанностей тиражировалась в зависимости от хозяйственного положения артели. Проверки, проведенные представителями Совета по делам колхозов в 1951 г., показали, что наиболее значительный процент колхозников, не выработавших минимума трудодней, фиксировался в хозяйствах с низкой стоимостью трудодня. В этом случае наложение взыскания в виде отчисления в пользу колхоза 25 % стоимости трудодней от заработка осужденных явно не имело существенного значения ²⁷.

Трудовой абсентеизм в большей степени проявляли молодежь и пожилые колхозники. Так, по данным сводных годовых отчетов колхозов, в 1950 г. из общего числа 48 126,5 тыс. чел. не выработали ни одного трудодня 7 487,4 тыс. (6,6 %) взрослых колхозников и подростков, из которых 140,1 тыс. (1,4 %) трудоспособных мужчин, 396,8 тыс. (2,1 %) трудоспособных женщин, 2 245,2 тыс. (33,9 %) подростков от 12 до 16 лет и 3 739, 5 тыс. (38,9 %) престарелых и нетрудоспособных ²⁸. Распространенной причиной уклонения от работы в колхозном производстве выступала занятость глав семейств на административных должностях, в кустарном производстве и т.д. ²⁹

Нарушения Устава, выявленные и кропотливо запротоколированные в ходе инспекторских проверок, отражают всю палитру форм (практик) обыденного сопротивления и адаптации советского крестьянства к мобилизационной стратегии. Так, помимо перечисленного, административному ограничению внутреннего потребления в этот период было противопоставлено авансирование труда колхозников без учета выработанных ими трудодней ³⁰.

Весной 1952 г. проверки по фактам нарушений Устава сельскохозяйственной артели были проведены в 273 колхозах Свердловской области. В колхозах девяти районов были выявлены факты захвата земли у 33 колхозных дворов, в колхозах одиннадцати районов – 61 случай обмена общественных коров и телок на менее продуктивный скот членов и не членов колхоза, в колхозах двух районов – шесть случаев незаконной продажи и «эксплоатации» лошадей, в колхозах четырнадцати районов – растрат, недостач и хищений общественных продуктов и

²² РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 721. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 2677. Л. 12.

²⁵ Там же. Д. 1709. Л. 6, 8.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Там же. Д. 1709. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 83.

²⁹ Там же. Л. 78.

³⁰ Там же. Д. 2677. Л. 12.

денег в общей сложности на сумму 140,7 тыс. руб., в колхозах четырех районов – пять случаев устройства коллективных вечеров и выдачи колхозникам денежных премий, всего на сумму 17 тыс. руб., в колхозах девяти районов – 32 случая завышенной оплаты труда бригадиров, заведующих ферм и рядовых колхозников и содержания за счет трудодней колхозов лиц, не имевших отношения к колхозному производству³¹.

В ходе проверки землепользования во всех колхозах в 20 областях, краях и республиках (в т.ч. Узбекской ССР, Туркменской ССР, Карело-Финской ССР, Татарской АССР, Мордовской АССР, Краснодарском крае, Ростовской, Крымской, Грозненской, Куйбышевской, Саратовской, Ленинградской, Воронежской, Орловской, Пензенской, Свердловской, Горьковской, Калужской, Смоленской и Ярославской областях), проведенной в 1946 г., было выявлено 3 295 тыс. случаев незаконного захвата колхозных земель в целях расширения приусадебных участков общей площадью 450,2 тыс. га. Особенно больших размеров захват колхозных земель под приусадебные участки имел место в районах Украины, Кубани, Средней Азии и Поволжья, в том числе в колхозах Краснодарского края было выявлено 44,5 тыс. случаев, в Куйбышевской области – 72,9 тыс. случаев³².

Предметом особого беспокойства «директивных организаций» было прямое распределение продуктовых запасов колхозов (в делопроизводственной документации маркировалось как «хищение»). Так, в Читинской области ввиду того, что «основное количество продуктов роздано преимущественно колхозникам и отдельным лицам по запискам председателей колхозов», в начале 1952 г. региональное руководство предложило районным организациям «утвердить на общих собраниях колхозников среднерыночные цены на продукты и потребовать от колхозников уплатить разницу в цене или возратить колхозу продукты натурой, а от частных лиц потребовать немедленно рассчитаться натурой или также уплатить деньгами по среднерыночной цене за взятые продукты»³³.

Проверка 179 колхозов Чувашской АССР показала, насколько привычным и обыденным делом к этому времени стала бесплатная выдача или продажа по заниженным ценам скота и продуктов питания из колхозов: коров, овец и коз, поросят и птицы, зерна, картофеля, овощей, мяса и масла, молока, яиц, меда и т.д. Значительную часть «расхищенного имущества», согласно справке о проделанной работе, удалось вернуть³⁴. Думается, что колхозная деревня к началу 1950-х гг. выработала целостную и весьма эффективную систему адаптационных практик, позволявших перестраивать мобилизационную модель в свою пользу. И сельская администрация в этом вопросе действовала чаще всего по согласованию с членами артели.

Еще одним способом вживания в заданные рамки колхозной повседневности, адаптации системы к нуждам крестьянской семьи стал фиктивный раздел колхозных дворов. В 1948 г. партийное руководство, сославшись на сообщения прокуроров Мордовской, Кабардинской АССР, Саратовской, Новосибирской, Калужской, Псковской, Курской, Великолукской, Минской, Бобруйской и других областей, зафиксировало массовое проникновение в колхозы «рваческих элементов», которые «в целях раздувания своего личного хозяйства» выделяют членов своей семьи в отдельное хозяйство и получают из колхоза дополнительные приусадебные участки и возможность содержать скот в количестве, превышающем нормы, установленные Уставом сельскохозяйственной артели³⁵. Как показала проверка, решение о разделе колхозного двора принимали сельские советы, народные суды, правления колхозов. По данным прокуратуры, в Саратовской области в 14 сельсоветах было установлено 103 случая фиктивных разделов колхозных дворов. В Псковской области выявлено 99 фиктивных разделов, в Великолукской области – 218. Случаи фиктивных разделов были зафиксированы в Воронежской, Горьковской, Тамбовской и ряде других областей³⁶.

³¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1191. Л. 205–204.

³² Там же. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 117. Л. 3.

³³ Там же. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 1191. Л. 128.

³⁴ Там же. Л. 120.

³⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 138. Д. 38. Л. 75.

³⁶ Там же. Л. 76.

С другой стороны, кризис аграрного производства в СССР в годы военных действий вызвал к жизни частичную либерализацию экономической политики. Тогда явственно проявился гибридный характер мобилизационной модели, изменился и общий тон констатирующей части делопроизводственной документации: «В военное время усилился спрос на сельскохозяйственную продукцию. Война потребовала значительного повышения товарности колхозов»³⁷. В продолжение компенсационной поддержки 19 апреля 1948 г. Совет министров СССР принимает Постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», требовавшее ликвидировать обезличивание использования колхозных земель, уравниловку в оплате труда, укрепить бригадную и звеньевую системы организации труда, строго соблюдать принцип закрепления за полеводческими бригадами участков, применять сдельную оплату труда, усилить материальную заинтересованность председателей колхозов, бригадиров и заведующих животноводческими фермами³⁸. Одновременно постановление констатировало сохранение «устаревших заниженных норм выработки и завышенных расценок работ в трудоднях», что не позволяло учесть «достигнутого роста производительности труда колхозников». В связи с этим колхозам, в которых был достигнут более высокий уровень производительности труда, рекомендовали «повышать нормы выработки»³⁹.

Тем самым власти допускали использование рыночных механизмов в строго дозированном порядке, пресекая появление неконтролируемой динамики. В этом отношении показательна борьба за ликвидацию «извращений в организации труда в колхозах», развернувшаяся после публикации редакционной статьи в газете «Правда» 19 февраля 1950 г. Теперь извращением партийной линии была объявлена звеньевая организация труда как основное препятствие для механизации сельскохозяйственного производства. Непоследовательность принимаемых решений была столь очевидна, что спустя три месяца министрам союзных и автономных республик, начальникам краевых и областных управлений было направлено специальное циркулярное письмо министра сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктова, разъяснявшее существо момента. Впредь посевы зерновых культур, за исключением тех случаев, когда механизация затруднена, должны были закрепляться непосредственно за производственными бригадами, а не за звеньями. Упреждая появление нежелательной тенденции, министр категорически заявлял: «Не могут ни при каких условиях создаваться в колхозах обособленные звенья, не входящие в состав производственных бригад; не допускается закрепление за звеньями земельных участков на длительный срок, сельскохозяйственных машин, рабочего скота и других средств производства»⁴⁰. Фактически разъяснение министра полностью дезавуировало принятое двумя годами ранее Постановление Совет Министров СССР от 19 апреля 1948 г., более того, вызвало дискуссию об отмене всех постановлений по дополнительной оплате труда колхозников, начиная с 1940 г., предусматривавших закрепление посевов зерновых культур за звеньями⁴¹.

Непоследовательность и кричащая алогичность принимаемых решений, на наш взгляд, отражают не столько априори кризисный характер мобилизационной стратегии, сколько специфику менеджмента в условиях незавершенности цивилизационных процессов и масштабности задач по концентрации ресурсов в этом направлении. Допуская вариативность путей модернизации, укажем на специфику административной канвы формирования советской модерности. На первый взгляд, мы имеем дело с непосредственным возрождением архаичных (традиционных) практик стимулирования хозяйственной активности населения, построенных на принципах внеэкономического принуждения. Но это не отражает существа проблемы. Эффективность мобилизационного менеджмента следует оценивать и в контексте управляемого процесса предельно возможного роста социальной конфликтности в

³⁷ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 7. Д. 135. Л. 70.

³⁸ Там же. Д. 557. Л. 1–18.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Д. 1055. Л. 76.

⁴¹ Там же. Л. 78, 81.

целях ускорения ломки, разрушения традиционной ментальности, усвоения ценностей современного общества через переживание кризиса, через отрицание.

В свою очередь, административный произвол, социальная дискриминация, сохранение трудовой и гужевой повинностей, рост натурального и денежного налогообложения в колхозной деревне провоцировали формирование адаптационных социальных практик, деформирующих официально утвержденную модель социальной интеракции, но при этом обеспечивавших сохранение жизнеспособности крестьянского двора, компенсировавших негативное воздействие мобилизационных инструментов. К числу подобных практик хозяйственной повседневности следует отнести: трудовой абсентеизм, превышение действовавших норм землепользования в личном хозяйстве, натуральное перераспределение продуктов колхозного производства, фиктивное начисление трудодней, разделение дворов, хищение государственного и колхозного имущества и пр.

Административная реакция в этом случае приобретала форму разовых мобилизационных кампаний, апеллируя главным образом к угрозе применения репрессий, а также к сохранению и воспроизводству определенных установок массового сознания, поведенческих стереотипов, закреплённых в культуре повседневности в течение длительного периода бытования мобилизационной экономики. Основной задачей мероприятий «по борьбе с извращениями» политики директивных органов выступала административная встряска и перезапуск системы, носившей вынужденный, а следовательно, темпорально ограниченный характер.

Литература

Волков И.М. Деревня СССР в 1945–1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115–124.

Загороднев Д.В. Повседневная жизнь российской деревни в первые послевоенные годы (1945–1953 гг.) (по материалам Пензенской области) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2011. № 23. С. 400–402.

Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: ИРИ РАН, 1996. 265 с.

История советского крестьянства: в 5 т. М.: Наука, 1988. Т 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. И.М. Волков. 395 с.

Надькин Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 311 с.

Попов В.П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37–60.

Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М.: Прометей, 1993. 203 с.

Ульянов Л.Н. Сельское хозяйство и крестьянство Сибири к концу Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 26–38.

Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг.: на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.

Хисамутдинова Р.Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: 1940 – март 1953 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 729 с.

References

Khasyanov, O.R. (2018). *Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo krest'yanstva perioda pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.: na materialakh Kuybyshevskoy i Ul'yanskoyskoy oblastey* [Everyday life of the Soviet Peasantry During the Late Stalinist Period. 1945–1953: Based on the Materials From the Kuibyshev and Ulyanovsk Regions]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 359 p.

Khisamutdinova, R.R. (2004). *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvleniye na Urale: 1940 – mart 1953 gg.* [Agrarian Policy of the Soviet State and its Implementation in the Urals: 1940 – March 1953]. Dr. hist. sci. diss. Orenburg. 729 p.

Nadkin, T.D. (2010). *Stalinskaya agrarnaya politika i krest'yanstvo Mordovii* [Stalin's Agrarian Policy and the Peasantry of Mordovia]. Moscow, ROSSPEN. 311 p.

Popov, V.P. (1992). Golod i gosudarstvennaya politika [Famine and State Policy (1946–1947)]. In *Otechestvennyye arkhivy*. No. 6, pp. 37–60.

Popov, V.P. (1993). *Rossiyskaya derevnya posle voyny (iyun 1945 – mart 1953)* [Russian Village After the War (June 1945 – March 1953)]. Moscow, Prometey. 203 p.

Ulyanov, L.N. (1976). Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo Sibiri k kontsu Velikoy Otechestvennoy voyny [Agriculture and Peasantry of Siberia by the end of the Great Patriotic War]. In *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 26–38.

Volkov, I.M. (Ed.). (1988). *Istoriya sovetskogo krest'yanstva* [History of the Soviet Peasantry]: v 5 t. Vol. 4: *Krest'yanstvo v gody uprocheniya i razvitiya sotsialisticheskogo obshchestva, 1945–konets 50-h godov* [The Peasantry in the Years of Consolidation and Development of Socialist Society, 1945 – the End of the 50s]. Moscow, Nauka. 395 p.

Volkov, I.M. (2000). Derevnya SSSR v 1945–1953 godakh v noveyshikh issledovaniyakh istorikov (konets 1980-kh – 1990-e gody) [The Village of the USSR in 1945–1953 in the Latest Research of Historians (Late 1980s – 1990s)]. In *Otechestvennaya istoriya*. No. 6, pp. 115–124.

Zagorodnev, D.V. (2011). Povsednevnyaya zhizn' rossiyskoy derevni v pervyye poslevoennyye gody (1945–1953 gg.) (po materialam Penzenskoy oblasti) [Everyday Life of the Russian Village in the First Post-War Years (1945–1953) (Based on the Materials From the Penza Region)]. In *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo. Gumanitarnyye nauki*. No. 23, pp. 400–402.

Zima, V.F. (1996). *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdeniye i posledstviya* [Famine in the USSR in 1946–1947: Origins and Consequences]. Moscow, IRI RAN. 265 p.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021 г.